Пальцы не слушались и непрерывно дрожали. Попробовав несколько раз, Хэ Линьнань так и не смог отвинтить крышечку маленькой пластиковой бутылочки.

К тому же в этот момент звучавший в голове голос Хэ Жунъяо продолжал громко, слово за словом, наставлять его, как нужно наносить удары.

Он сделал глубокий вдох, но при выдохе гнев не улетучился — напротив, от него так запекло, что вены по всему телу скрутило от боли.

Хэ Линьнань яростно ударил кулаком по полу и рявкнул на слуховую галлюцинацию:

— Отвали! Ты даже букв не знаешь! Что ты умеешь, кроме как драться?

Как только он прокричал это, галлюцинация внезапно прекратилась.

Краешком глаза он заметил какое-то движение и машинально повернул голову.

В дверях кто-то стоял.

Желая убедиться, не привиделся ли ему и этот человек, Хэ Линьнань намеренно посмотрел тому на шею.

Там виднелась кольцеобразная татуировка — это был живой человек.

Брошенный в сторону призрака дротик случайно угодил в живого человека.

— Я… — попытался объяснить Хэ Линьнань, но заметил, как взгляд Цинь Мяня опустился на маленькую склянку у него в руке.

Его сердце бешено заколотилось. Хэ Линьнань крепко сжал бутылочку, стараясь пальцами закрыть её целиком. Хотя он уже давным-давно пересыпал таблетки из оригинальной упаковки в этот пузырёк, и на нём не было никаких надписей, ему на самом деле не стоило так сильно пугаться.

Вертикальные бороздки на крышке впивались в ладонь до боли, будто он изо всех сил сжимал кусок камня.

— Какое лекарство ты принимаешь? — спросил Цинь Мянь.

— …Никакого. — Хэ Линьнань сжал пузырек ещё сильнее, намереваясь запихнуть его обратно во внутренний карман рюкзака.

Именно в этот момент Цинь Мянь бросился на него.

Хэ Линьнань всё это время держал нервы на пределе и настороженно оборонялся, поэтому позволить Цинь Мяню вырвать бутылочку с первого раза он не дал.

Цинь Мянь протянул руку, чтобы схватить его за запястье. В критический момент врождённый инстинкт, запечатленный в теле, заставил Хэ Линьнаня среагировать автоматически: он перехватил чужое запястье, резко развернулся и за счёт инерции отброшенного назад тела вынудил Цинь Мяня разжать хватку. В самый момент разделения он задрал ногу и ударил коленом в грудь Цинь Мяня.

Словно одержимый злым духом, он отлично усвоил уроки Хэ Жунъяо.

На секунду потеряв бдительность, Цинь Мянь угодил пальцами в болевую точку на его запястье, хватка ослабла, и бутылочка выскользнула. Крышка отлетела при ударе о пол, и по земле рассыпались белые таблетки — все они были аккуратно нарезаны на полукруглые кусочки. Хэ Линьнань считал целые таблетки слишком крупными и не мог их проглотить, поэтому заранее разрезал их лезвием пополам.

Такие лекарства нельзя было пересылать почтой, а каждая поездка на родину в Китай ради визита к врачу и последующей доставки препаратов доставляла немало хлопот, так что разбрасываться ими было нельзя.

Хэ Линьнань бросил взгляд на Цинь Мяня, присел на корточки, сгрёб в кучку рассыпанные полукруглые таблетки и запихнул их обратно в пузырёк.

Цинь Мянь попытался протянуть руку, чтобы помочь ему собрать их, но Хэ Линьнань оттолкнул его в сторону.

Собрав последнюю половинку, Хэ Линьнань осмотрел пол вокруг, убеждаясь, что ничего не пропустил, закрутил крышку и сунул пузырек обратно в карман рюкзака. Вытащив руку, он заодно застегнул молнию.

От долгого сидения на корточках ноги немного затекли, а вдобавок после недавней бессмысленной возни с Цинь Мянем его физическая форма оказалась настолько никудышной, что лёгкие в обеих сторонах груди до сих пор казались готовыми разорваться. Хэ Линьнань поднялся, глубоко вздохнул, чтобы прийти в себя, как вдруг его руку грубо схватили.

Цинь Мянь задрал вверх рукав его рубашки.

Хэ Линьнань не стал останавливать противника, потому что совершенно не понимал, что этот человек собирается делать.

Трение ткани о кожу вызывало лёгкий зуд; хотелось почесаться, но он стерпел. Манжет полз всё выше, пока не обнажил вены на внутренней стороне локтя.

Движения Цинь Мяня замерли. Он тихо выдохнул, затем опустил манжету обратно, снова прикрывая запястье.

После этого Цинь Мянь шагнул вперёд, взял его за подбородок, повернул в сторону, осмотрел шею и, наконец, заглянул в глаза.

Это был вовсе не нежный обмен влюбленными взглядами, а простая проверка зрачков.

Это осознание вызвало у Хэ Линьнаня отвращение, словно он был подопытной белой мышкой, которой ввели неизвестный препарат, а ученый пристально наблюдал за результатами; или же словно он сам смотрел на безумцев, кричащих в больнице для душевнобольных, либо те пациенты смотрели на него.

К этому моменту до него дошло, что именно искал Цинь Мянь.

— Ты думаешь, я наркоман? — спросил он.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного — в таком странном месте, как Синьти, употребление наркотиков не считалось преступлением, законом преследовался лишь их сбыт.

— Прости, я… — начал Цинь Мянь, но не договорил.

Хэ Линьнань не позволил ему закончить: он подался вперёд и впился зубами в губы Цинь Мяня.

Ему казалось, что в его мозгу определенно перемкнуло множество нейронных связей, и гнев пробудил подавляемый импульс.

Впрочем, он не набросился на него с ходу — прошло, пожалуй, около полусекунды, в течение которой они соприкасались, прижимались и тесно сцеплялись губами, прежде чем он в панике укусил.

Такая логика поведения казалась более понятной.

Отчасти ему хотелось вызвать у Цинь Мяня отвращение, а отчасти — ему уже давно не терпелось его цапнуть.

Время для Хэ Линьнаня всегда было материей утончённой.

Он был способен уловить множество деталей.

Например, выражение лица Цинь Мяня было совершенно шокированным, а следом за шоком у этого парня сделался такой вид, будто он готов убивать.

Но на самом деле это казалось убийственным лишь на первый взгляд — эмоция была слишком сильной, и Хэ Линьнань не сразу смог её расшифровать.

У него без всякой причины возникла ассоциация с молодым львом из саванны, у которого только что начался период гона.

Осознав, что его сердце всё ещё бешено колотится, он уже не мог понять, билось ли оно так быстро всё это время, или же замедлившись на секунду, вновь зачастило с прежней силой.

Его взгляд скользнул по глазам Цинь Мяня и опустился на его губы, задерживаясь на ярко-красной кровоточащей трещинке от укуса.

Эта капелька крови давала нужное ощущение головокружения.

Испытав жутковатое удовольствие, Хэ Линьнань произнёс:

— Может, тебе тоже сходить сделать прививку?

Говоря это, он не сводил глаз с Цинь Мяня, но по лицу того было совершенно невозможно понять, о чём он думает.

Ощущение эйфории постепенно остывало.

Цинь Мянь ничего не ответил, продолжая стоять совсем близко.

Хэ Линьнаню показалось, что тот сейчас внезапно ударит его, и он чуть было не поднял руки, чтобы защитить голову.

Цинь Мянь отступил на шаг назад, не сводя с него глаз, шевельнул губами и лишь спустя мгновение произнёс:

— Ну и что с того, что узнал?

— А? — растерянно переспросил Хэ Линьнань.

Узнал что? Что тебе не сделали прививку от бешенства?

Пока Хэ Линьнань пребывал в полном недоумении, Цинь Мянь уже развернулся и вышел из комнаты отдыха.

Хэ Линьнань подхватил рюкзак, опустился на диван, снова достал своё лекарство, вытряхнул две таблетки и проглотил их прямо так, не запивая водой.

Немного переведя дух, он вытащил телефон и набрал номер Угря.

Он уже просил Угря разыскать Ли Фули, но тот до сих пор не дал ему ответа. Цинь Мянь выплатил ему зарплату, и с учетом его собственных небольших сбережений он думал перевести эти деньги Угрю, чтобы тот поторопился с поиском.

В конце концов, Угорей в Синьти знали со времен дедов: в свои лучшие годы те держали казино, а когда Угори скатились до нынешнего состояния, стали промышлять ростовщичностью и попутно крутить за спиной другие грязные делишки. К счастью, у Угря было немало шестерок, а знакомства простирались широко. Ли Фули изначально не занимался честным бизнесом, и Хэ Линьнань полагал, что Угорей наверняка слышал о нём. Даже если найти человека не удастся, то по крайней мере получится выйти на полезную зацепку.

Гудки тянулись до тех пор, пока вызов не сбросился автоматически — Угорей трубку не взял.

Хэ Линьнань позвонил еще дважды, но линия по-прежнему молчала.

Он поднял руку, сжав переносицу, и тяжело выдохнул.

В то же время в каком-то переулке неподалеку от Утиной улицы в столице Синьти.

Было три часа пополудни по местному времени. Солнце стояло в самом зените, и едкий запах мочи в тупике переулка изрядно выветрился под его лучами.

Несколько мух с ярко-зелёными переливающимися брюшками подлетели ближе и затянули нудное жужжание над тёмными пятнами, въевшимися в кирпичную кладку за долгие годы.

Жжж… жжж… Звук телефонной вибрации казался куда более ритмичным, чем жужжание мух.

Молодой мужчина взмахом руки отогнал мух и качнул подбородком в сторону стоявшего напротив Угря:

— У тебя телефон звонит. Не ответишь?

Угорей и не думал доставать телефон из кармана брюк. Заслоняя собой младшего брата, он обратился к мужчине:

— Мы никогда не шли против Организации «Дикий слон»… Мы промышляем палёной выпивкой, но то, что поставляем вам, полностью настоящее! Если не верите, можете проверять каждую бутылку…

Мужчина протянул руку и оперся на плечо худого подчиненного. Этот парень утром был отправлен Угрем в бойцовский клуб разведать обстановку: с утра он чувствовал себя прекрасно, но сейчас тихо кашлял, из уголка его рта сочилась кровавая пена, а левый глаз распух и покраснел до багрового оттенка так, что открыть его было абсолютно невозможно.

Обнимая за плечи подручного Угря, мужчина непринуждённо произнёс:

— О поддельном алкоголе поговорим позже. Я отыскал тебя потому, что случайно столкнулся с тем, как этот приятель занимается поисками, — с этими словами он скосил глаза на подчиненного, которого чуть ли не прижимал к земле тяжестью своего тела. — И кто же это у нас разыскивает Ли Фули?

Угорей сглотнул слюну, но горло от этого не прочистилось — напротив, казалось, будто оно забилось липкой мокротой.

Посланный им подручный должен был лишь разузнать информацию, сам он не говорил ему, кто именно платит за эти сведения.

Стоявший перед ними мужчина по имени Джулани состоял в Организации «Дикий слон». Эту организацию можно было назвать местной бандой, но точнее всего подходило определение «местные полевые командиры».

— Это не мы, — выдавил Угорей. — Мы с Крабом просто выполняем мелкие поручения за копейки…

Выражение лица Джулани стало слегка раздражённым, и он перебил:

— Я ведь спросил: кто конкретно ищет Ли Фули? Ты что, тугой?

— Цинь Мянь! — завопил Краб из-за спины Угря. — Тот парень, звезда бокса!

Джулани на мгновение опешил:

— Цинь Мянь?

Он издал звук вроде «цсс», перевёл взгляд на Краба:

— Вообще-то, бокс и смешанные единоборства — это два совершенно разных вида спорта.

— Он выступает в смешанных единоборствах! Цинь Мянь из TAS! — тут же поправился Краб, перебивая на ходу.

Джулани криво улыбнулся, кивнул Крабу и внезапно выхватил из-за пояса пистолет!

— Мы же всё тебе рассказали! — зрачки Угря затрепетали, и он вскинул руки. — Отпусти нас!

— Но я терпеть не могу тех, кто предаёт заказчиков, — произнёс Джулани.

С этими словами он поднял дуло выше, свободной рукой оттянул затвор, взводя курок, и уже собирался нажать на спусковой крючок, как вдруг Краб с размаху толкнул Угря. Стокилограммовая туша Угря рухнула прямо на стрелка.

Джулани сбили с ног, он шлёпнулся на задницу, отбросив Угря в сторону. Угорей попытался отнять у него пистолет, но Джулани без колебаний приставил дуло ко лбу Угря — раздался оглушительный выстрел, и брызги крови залили ему всю грудь.

Черт побери, он же забыл, что сегодня надел новую одежду!

Джулани поднялся на ноги, вскинул пистолет и прицелился в убегающего по проулку Краба. Заметив, как тот спотыкается из-за своего лишнего веса, он на секунду замер, опустил оружие, аккуратно засунул его обратно за пояс и бросился в погоню за Крабом.

http://bllate.org/book/34412/4242631